

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Лесные концессии в России.

Вопрос о лесных концессиях не новый. Лесные концессии существовали у нас и в довоенное время, но они носили единичный и случайный характер.

Только в 1918 году, когда на Парижской конференции выяснились те размеры, какие должно было принять в ближайший послевоенный период потребление лесных материалов в дружественных России Европейских государствах, Лесной Департамент вплотную подошел к этому вопросу. Ближайшим основанием для этого послужили следующие факты.

1. По произведенным на конференции подсчетам количество лесных материалов, подлежащих вывозу из России в ближайшее пятилетие после войны, должно было увеличиться на 789.000 куб. саж. (7.661.200 куб. метр.) и составить 2.723.000 куб. саж. ежегодно. Это количество означает плотную древесину, т.-е. в досках и полуобработанных лесных материалах, а в переводе на сырье это составляло — 3.500.000 куб. саж. (34 миллион. куб. метр.).

2. Для удовлетворения указанного спроса по расчетам Департамента требовалось одной пиловочной древесины 2.800.000 куб. саж., из коих предполагался отпуск чрез Балтийские порты — около 900.000 куб. саж. и на Беломорские порты — 1.900.000 к. с.

Но лесному ведомству было также ясно, что осуществить намеченный экспорт существующему заготовительному и распиловочному аппарату непосильно, т. к. в довоенное время весь Беломорский экспорт составлял около 437.000 стандартов или примерно 8.000.000 бревен. Предполагалось, следовательно, его увеличить на 12 милл. бревен, т.-е. в $2\frac{1}{2}$ раза.

Отметим, что и в довоенное время при указанной скромной продукции 8 милл. бревен Беломорские заводы ежегодно недорабатывали из-за недостатка лесозаготовки. Бывшие сметные отпуска древесины никогда не могли быть использованы. Так, в 1913 г. например, было использовано меньше 75% сметного отпуска и менее 20% среднего прироста древесины в крае.

На ближайшие 3 года было предположено к отпуску из Архангельской губ. по 6.350.000 шт. и из Вологодской по — 12.354.000 шт.

Но это, казалось, было трудно осуществимым даже при наличии сметных остатков отпусков предыдущих лет, находившихся в районах наиболее крупных ежегодных заготовок. В дальнейшие же годы предстояло отводить лесосеки в более отдаленных районах с более редким населением, с большими затруднениями гужевой подвозки, заготовки фуража, продовольствия и самих рабочих, и задача даже в этом объеме становилась неосуществимой без радикального изменения всей лесной политики края.

Указанные условия вынудили лесное управление прибегнуть к концессионному порядку эксплуатации и выработать планомерную систему отвода таких концессионных участков в районах недостаточного отпуска леса или полного его отсутствия.

Таким путем Управление предполагало привлечь к эксплуатации края новый кадр промышленников, обеспечивая их как постоянным отпуском древесины со сданного в концессию участка, так и определенной планомерно, согласно договора, растущей стоимостью ее.

Но для лесного управления было также ясно, что привлечь капитал к лесной эксплуатации в край без хороших путей сообщения, без одновременной его колонизации, без живой связи притекающего населения с культурными центрами и без создания для этого населения культурных условий жизни, невозможно.

А потому одновременно с планом концессионных участков разрабатывался и план железнодорожного строительства.

На прилагаемой карте видны как намеченные концессионные участки, так и предположенные к постройке пути сообщения.

Мы видим, что в 1916-м году Лесной Департамент впервые серьезно и продуманно подошел к использованию громадных наших лесных ресурсов Северного края.

Мало того, им не были упущены из вида и дальнейшие необходимые мероприятия по организации как переработки древесины, так и сбыта ее на внешних рынках. Намечена была особая организация, которая ведала бы:

- а) переговоры с представителями иностранных государств—заказчиков—относительно количества потребных материалов, сортиментов, условий поставки, цен, стоимости фрахта и пр;
- б) заключение договоров на поставки как с представителями правительств, так и с крупными частными фирмами;
- в) определение корневой стоимости леса для отпуска;
- г) определение размера отчисления в пользу казны части прибыли, полученной лесопромышленниками от поставок лесных материалов, заготовленных из казенного леса, т.к. предполагалось договорное обединение промышленников с казною, как владельцем лесов, и отпуск леса по определенной корневой таксе без торгов, при чем казенное управление являлось и посредником при сбыте леса на заграничных рынках;

д) выяснение запаса лесных материалов в портах и на местах;
е) обследование мест заготовок материалов, их наличия, наличия рабочих сил, состояния путей транспорта и пр.

ж) посредничество в распределении поступающих к вывозу лесных материалов между иностранными покупателями.

з) подыскание, в случае надобности, иностранных предпринимателей для заготовки лесных материалов и выяснение условий привлечения предпринимателей к этому делу и т. п.

Словом, как видим, была развита широкая программа действия для оживления края и использования его ресурсов.

Надо только отметить, что самый объем предстоявшей управлению эксплуатационной задачи представлялся Лесному Управлению несколько в меньшем размере, чем он был в действительности.

Как мы видим, оно всюду имело в виду только пиловочную древесину, мало заботясь о нетоварной поделочной и балансовой древесине.

Правда, оно учитывало наличие в отводимых концессионных участках этой древесины, но это делалось как бы между прочим, главное же его внимание, как указано, было обращено на пиловочный материал и его переработку.

А между тем в Северном крае половина лесной площади занята именно нетоварными насаждениями. Причиной этого служит то, что, будучи в курсе состояния рынков пиловочного материала и их роста, оно совершенно не было знакомо с состоянием целлюлозно-бумажных рынков и их колоссальным ростом за последние годы.

Также и предстоящий спрос на пиловочный лес был недостаточно оценен, но на этот раз уже по политическим соображениям. Оно исходило из данных Парижского совещания о необходимости удовлетворить своих союзников. Интересы и потребность леса в Германии в расчет не принимались.

А между тем, Германия до войны потребляла такое же количество русской древесины, как и Англия ¹⁾.

Рост ее потребления шел приблизительно одинаково, даже сильнее, чем в Англии. За годы войны ее собственные леса пострадали значительно. Строительство также с начала войны остановилось, а древесный инвентарь страны изнашивался сильнее, чем в Англии. Поэтому мы вправе в ближайшие следующие годы для Германии в ее прежних границах считать такое же потребление, какое было определено на Парижской конференции для Англии, т. е. в размере $62\frac{1}{2}\%$ от указанного выше количества в 3.500.000 куб. саж., или — в 2.000.000 куб. саж. (19.420.000 куб. метр.). Хотя Германия получала русский лес чрез приграничные пути и Балтийские порты, и тем же путем, конечно, и будут его получать в дальнейшем, но возможный

¹⁾ В 1913 году Англия ввезла 165.149 тысяч пудов русского леса, а Германия — 151.271 тысяч пудов.

отпуск для экспорта чрез эти пункты был уже выше учтен, и потому эти 2 милл. куб. саж. падают всецело также на Северный район, предназначенный в силу направления своего речного водного транспорта на заграничный экспорт.

Таким образом, все количество древесины, подлежащей экспорту из Северных портов, должно равняться не 1.900.000 куб. саж., а вдвое более, т.-е. около 4 миллион. куб. саженой.

Также не учтен Лесным Департаментом неизбежный рост внутреннего рынка как на пиловочную, так и на непиловочную древесину, каковой должен удовлетворяться отчасти из запасов северной древесины.

Но этим серьезным и планомерным, обширным по своему размеру, намерениям лесного ведомства приступить к использованию северных лесных запасов путем привлечения капитала к разработке лесов на концессионных участках, при одновременном и неразрывно связанном с этим проведением железных дорог, улучшением водного и сухопутного транспорта, широкою колонизациею края в связи с вступлением на путь новых договорных отношений с промышленниками и капиталом иностранных рынков, не суждено было осуществиться. Революция, а затем гражданская война положили конец всем этим начинаниям.

Только 4 года спустя, когда миновали острые моменты революции и гражданской войны, когда для всех стало ясным, что восстановление разрушенного народного хозяйства до его прежнего положения, а тем более для дальнейшего и возможно полного использования богатых естественных ресурсов страны, только собственными силами, без привлечения иностранного капитала, невозможно, только тогда вопрос о концессиях снова становится на очередь дня.

Вехою поворота на этот путь является декрет Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1920 г. сего шестью основными пунктами ¹⁾.

1) 1. Концессионеру будет предоставляться вознаграждение долей продукта, обусловленно в договоре, с правом вывоза за границу.

2. В случае применения особых технических усовершенствований в крупных размерах, концессионеру будут предоставляться торговые преимущества (по заготовке машин, специальные договоры на крупные заказы и т. д.).

3. В зависимости от характера и условий, концессии будут предоставляться на продолжительные сроки для обеспечения полного возмещения концессионера за риск и вложенные в концессию технические средства.

4. Правительство Р. С. Ф. С. Р. гарантирует, что вложенное в предприятие имущество концессионера не будет подвергаться ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции.

5. Концессионеру будет предоставляться право найма рабочих и служащих для своих предприятий на территории Р. С. Ф. С. Р. с соблюдением кодекса законов о труде или специального договора, гарантирующего соблюдение по отношению к ним отдельных условий труда, ограждающих их жизнь и здоровье.

6. Правительство Р. С. Ф. С. Р. гарантирует концессионеру недопустимость одностороннего изменения какими-либо распоряжениями или декретами правительства условий концессионного договора.

В дальнейшем развитии этого пути концессионной политики все более и более крепнет мысль, что „не ссудный капитал окажет нам быструю непосредственную поддержку, а реальный, равно как возможности внутреннего оборудования и организации хозяйства не смогут столь быстро сказаться без необходимого технического промышленного оборудования, привозимого из-за границы“.

„Без получения из-за границы оборудования для наших заводов и фабрик, без ввоза к нам машин самых новейших конструкций мы долго будем вынуждены топтаться на одном и том же месте“¹⁾.

Значение концессий не только для использования того или иного сырья, развития той или иной отрасли промышленности, но и для поднятия всей экономической мощи страны и ее международного значения становится общепризнанным положением. „Уже одна постановка вопроса о возобновлении Россией внешних торговых отношений, либо подход к финансовому вопросу в связи с необходимым кредитом, наконец, чисто производственные и технические задания, стоящие пред Советскою Россиею, все это упирается в ту же проблему концессий“²⁾.

В числе других видов концессий выдвинуты, можно сказать, поставлены в первую очередь, лесные концессии, что вполне понятно, так как лес может быть предложен в громадном количестве, и добыча его не представляет особых технических затруднений.

Деревянная валюта является наиболее легко реализуемой на иностранных рынках.

Лесные концессии являются мировою, а не только русскою, необходимостью.

Колоссальный рост мирового потребления древесины поставил пред всеми культурными странами вопрос о дальнейшем снабжении ею на первую очередь. За последнюю четверть века ни один государственный деятель в области народного хозяйства, ни один экономист не могли не остановиться пред этою задачею. Только Скандинавские страны и Финляндия временно стоят вне этих забот пока на 1 душу населения у них приходится еще 3,0—4,6 десят. леса, но по мере неизбежного роста населения и увеличения его культурных потребностей этот вопрос будет выростать и пред ними, и широкие ворота, чрез которые лесной прирост сейчас уходит из них в Европу и отчасти в Америку, придется понемногу притворять.

Откуда же можно будет почерпать древесину в непрерывно растущих количествах. Чьи ворота придется растворить во всю, взамен закрывающихся ворот Скандинавии, Финляндии, Канады.

Количество лесной площади на всем земном шаре определяется максимально в 1680 миллионов десятин, при чем эта цифра сильно

1) Материалы по концессиям. Выпуск 1-й, под. ВСНХ, стр. 5.

2) Материалы по концессиям. Выпуск 1-й, стр. 7.

преувеличена, так как в нее вошли все древесные насаждения мало исследованных тропических и субтропических стран, значительная часть коих совсем непригодна для тех целей, каким удовлетворяла древесина стран, эксплуатируемых в настоящее время.

Означенная площадь распределяется следующим образом:

Европа	365	млн. десятин	или	21,8	%
Азия	357	"	"	21,2	%
Америка	598	"	"	35,4	%
Африка	279	"	"	16,5	%
Австралия	87	"	"	5,1	%
<hr/>					
Всего	1.680	млн. десятин	"	100	%.

Таким образом, источником древесины, той, в которой все более и более ощущается недостаток, являются только первые три страны света.

Африка по указанным основаниям только в северной своей части пригодна для выращивания этой древесины. Так, Франция усиленно ведет посадку сосны в Алжире, но по мере увеличения в северной полосе Африки хвойных насаждений будет расти и население Африки, и этим насаждениям в пору поспевать только за ростом потребностей местного населения.

Что на леса Африки действительно не могут рассчитывать государства, потребляющие большое количество древесины, подтверждается и недавним докладом М. Bouvier, ¹⁾ члена Высшего Совета по делам французских колоний, указывающего, что уже в настоящее время Франция, располагая 9 миллион. десятин лесной площади, нуждается для своего бумажного производства в 170.000 куб. саж. балансов (1.650.000 куб. метр.), почему и принуждена ввозить к себе 13 милл. пуд. (210 тыс. тонн) целлюлозы и 16 милл. пуд. (260 тыс. тонн) древесной массы.

За отсутствием леса Bouvier предлагает обратить внимание на солому, альфу и бамбук, но всем известно, что эти материалы не могут заменить древесину при производстве тех сортов бумаги, которые составляют главную массу потребления, т.-е. газетных, низких печатных и оберточных бумаг.

Если недостаток древесины определяется сейчас в 170.000 куб. саж., когда производство бумаги составляет всего около 600.000 тонн, то довоенная потребность древесины составляла 230.000 куб. саж., а принимая естественный рост потребления бумаги в Европе, не будь мировой войны, уже в 1940 г. Франции потребовалось бы около 450.000 куб. саж. (около 4.4 милл. куб. метр.) баланса. О посадках сосны на побережье Алжира М. Bouvier и не упоминает, хотя таковые велись уже 10 лет назад; очевидно, рассчитывать на них, как на запас древесины для Франции, не приходится.

¹⁾ Le papier, 1922 г., № 7.

Австралия уже и теперь потребляет древесину России с ее дальневосточной окраины.

Так что для удовлетворения главных потребляющих государств остаются только леса тех же самых материков—Европы, Азии и Америки с 1320 милл. дес. или 78% всей мировой лесной площади.

Но и эту цифру мы должны принимать с большими оговорками. Она означает всю лесную площадь, полезная же лесная площадь, т.-е. действительно подлежащая эксплуатации, будет значительно менее. Насколько может быть велика эта разница достаточно указать на нашу Архангельскую или Тобольскую губернии, где для первой—удобная лесная площадь составляет только 70.7%, а для второй—всего 26.5% всей ее лесной площади. Леса Сибири и вообще Азии еще менее обследованы, чем леса этих двух губерний.

Что все леса Америки в самом ближайшем будущем будут не достаточны для ее колоссально растущего потребления—это, кажется, уже достаточно ясно не только для американцев, но и для англичан, которые готовятся к прекращению своего импорта лесных материалов из Канады¹⁾. Древесно-массная и бумажная промышленность Соединенных Штатов уже перебирается в Канаду, и близок тот день, когда она доберется до самых отдаленных лесов Канады.

Остается только Европа и Азия, которые еще не поглощают своего лесного прироста. Но надолго ли?

Из указанных 722 милл. десятин лесной площади Европы и Азии России принадлежит 674 милл. десятин, т.-е. 93,3% всей лесной площади этих двух материков, из коих:

в 50 губерниях Европейской России—	147	милл. дес.
на Кавказе	— 7	” ”
в Средней Азии	— 5	” ”
в Сибири и на Дальнем Востоке. . .	— 515	” ”

Леса Средней Азии уже по самому своему положению не могут иметь никакого значения для внешних рынков.

Кавказские леса также являются только лесами местного значения. На экспорт могут работать лишь лесничества, расположенные вблизи моря, и то по вывозу преимущественно ценных продуктов: бук, дуб, самшит. Расположенные в нижнем поясе сосновые и пихтовые леса, след. более доступные для эксплуатации, уже в значительной мере истощены. Далее средиземно-морского побережья кавказская древесина не пойдет.

Таким образом, только леса Европейской России, Сибири и Дальне-Восточные имеют значение для внешних рынков. Их значение, как мы видели, так громадно, что не пройдет, вероятно, и 10 лет, как мы увидим, что эти леса станут предметом такого же мирового интереса, как нефтяные месторождения в настоящее время.

¹⁾ Доклад проф. Эл. Стэббинга в Royal Society of Arts. 7 марта с. г.

Если в данный момент их значение не осознано окончательно в странах, нуждающихся в привозной древесине, то это только потому, что мировая война с ее последствиями временно задержала как строительные работы, так и производство и потребление бумаги. Но ликвидация этих тяжелых последствий близка, а тогда вопрос о мировом значении указанных лесов сразу встанет во весь свой рост.

Указанные выше 154 миллиона десятин лесов включают все леса Европейской России в ее довоенных границах. Выделением самостоятельных государственных единиц: Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, война сократила эту площадь русских лесов, и поэтому интересно посмотреть, насколько сократились наши лесные ресурсы, и, с другой стороны, как может это выделение государственных единиц повлиять на мировое значение русских лесов и значение русского лесного экспорта на мировых рынках.

Следующие цифры иллюстрируют эту картину

	Вся площадь страны тыс. десятин.	Лесная ее площадь тыс. десятин.	% лесной пло- щади ко всей площади.	Число десятин леса на 1 ду- шу населен.
Польша	10.000	2.000	20%	0,20
Литва	10.995	2.199	20%	0,36
Латвия	6.629	1,554	23%	0,60
Эстония	1.794	305	17%	0,60
Итог	29.418	6.058	20.6%	—

Таким образом мы видим, что изменение границ после войны сократило площадь русских лесов в Европе всего на $2\frac{1}{2}\%$, а площадь всех лесов Республики — всего на $0,57\%$.

Но для каждой страны большее значение имеет не абсолютная лесная площадь, а ее процентное отношение ко всей площади и количество лесной площади, приходящееся на душу населения.

В одном из предыдущих докладов¹⁾ мною было указано, что 28% лесной площади недостаточны для обеспечения древесиной высококультурной страны, хотя бы она и имела в избытке свой каменный уголь для топлива. Там же, где нет местного угля для населения и где в то же время промышленность значительно развита и имеется значительный % городского населения, там 42,5% лесной площади и 0,78 десятин леса на душу населения недостаточны для собственного потребления (Центрально-Промышленный район России).

Уже этих приведенных статистических справок совершенно достаточно, чтобы показать, что образование новых четырех государств ни в малейшей степени не уменьшает указанного мирового значения русских лесов и русского лесного экспорта.

¹⁾ „Лесной вопрос в бумажной промышленности“, доклад, сделанный на II Техническо-Экономическом Съезде Бумажной Промышленности. 25/II—23 г.

Лесов четырех вновь образованных государств недостаточно, при их значительно развитой промышленности, культуре и проценте городского населения — для их собственного потребления.

Это подтверждается и тем, что Эстония, например, в своем договоре с Р. С. Ф. С. Р. обусловила право лесной концессии в некоторых русских районах. В одних из этих стран намечается, а в других уже включен в государственную программу переход частновладельческих лесов в государственную собственность.

Бывшее на нынешней Кенигсбергской лесной ярмарке усиленное предложение польского леса, а также экспорт леса из Латвии, объясняются, с одной стороны, желанием лесовладельцев возможно полнее использовать свой лес до перехода его в казну, а с другой стороны, необходимостью для этих государств погашения своей непрерывно возрастающей задолженности при недостаточности нормальных государственных доходов. На рынок выбрасывается не естественный лесной прирост, не нормальный лесной доход, а самый лесной капитал. Если припомним, что польские и литовские леса, находившиеся на фронтовой и прифронтовой полосе, сильно пострадали во время войны, что на восстановление разрушенного во время войны имущества потребуется значительный отпуск леса, то при указанной выше ничтожности лесных запасов этих стран, происходящее сейчас выбрасывание леса на Европейский рынок является уже грозным явлением для будущего этих стран.

Итак, леса Российской республики являются единственным ресурсом для непрерывно растущей потребности западных государств, а в недалеком будущем может быть и для Америки.

Реализовать эти лесные запасы в ближайшее время без помощи концессионного капитала мы не можем, а потому правильное решение концессионного вопроса является крайне необходимым и не только для России, но и для всех стран, не имеющих достаточной лесной площади для удовлетворения своей быстро растущей потребности в древесине.

Где могут быть осуществлены лесные концессии.

В предыдущем цитированном докладе мною было указано, что почти вся центральная Россия обладает полным лесным отпуском, и потому в ней нет места для развития сколько-нибудь значительных бумажных предприятий.

Только Северная область, Приуралье и Сибирские леса могут быть достаточной базой для организации крупных лесных предприятий в Европейской России.

На этой колоссальной площади, протянувшейся от Финляндской границы до Охотского и Японского моря на протяжении свыше 6000 верст, занимающей свыше 600 миллионов десятин лесной площади, и находится тот лесной материал, который в ближайшем бу-

дущем явится, если не единственным, то во всяком случае главным источником для удовлетворения непрерывно растущей потребности в древесине, как Западно-Европейских стран, так и Китая, а может быть и Америки.

Сюда неизбежно должен будет направиться иностранный капитал для избавления означенных стран от древесинного голода.

Но в какие же пункты этой громадной территории должен он направиться?

Какими соображениями будет определяться это направление?

Первым фактором является очевидно—качество насаждений. Но в этом отношении все намеченные леса, несмотря на колоссальное их протяжение, являются приблизительно равноценными. Всюду преобладающими насаждениями являются—мягкие породы, в которых именно нуждаются указанные страны.

Всюду мы встречаем те же хвойные: ель, сосну и пихту, с преобладанием то той, то иной породы. Некоторое разнообразие вносят лиственница и кедр, которые, начинаясь уже по эту сторону Урала, переходят через него, составляют значительную примесь между Уралом и Байкалом и, наконец, являются иногда преобладающею породою в Забайкальи, Приамурьи и Приморской области ¹⁾.

Из лиственных в Восточной Сибири мы встречаем дуб, орех, бархат, чудную осину, березу, ясень и липу.

Так что в этом отношении особенно крупной, решающей разницы мы не имеем, а решающим фактором является близость того или иного района к району потребления, т. е. стоимость фрахта. Так сосна и лиственница в пилом виде идут в Австралию, Китай и Японию. Осиновая чурка (для спичечного производства) идет в Японию и Австралию. Баланс еловый в Японию.

Я нарочно остановился несколько на Восточно-Сибирских лесах, т. к. в нашей литературе, да и не только в бумажной, этот вопрос никогда не останавливал на себе внимание, что положительно недопустимо. В виду указанного мирового значения наших лесов нельзя допускать, чтобы правая рука не знала, что делает левая.

¹⁾ Леса Сибири еще менее обследованы, чем леса нашего Севера. Только 18 милл. десятин обследованы сколько-нибудь правильно, до 35 милл. дес. только рекогносцировано. Поэтому мы имеем лишь приблизительные сведения о господстве тех или иных пород. Приблизительно считают, что:

Лиственница занимает	53.500.000	десят. или	— 65%
Сосна	7.600.000	” ”	— 9%
Ель	4.600.000	” ”	— 5%
Пихта	3.700.000	” ”	— 3%
Кедр	2.100.000	” ”	— 5%
Лиственные породы	10.300.000	” ”	— 12%
Разн. смешанн. породы	800.000	” ”	— 1%
	81.880.000	” ”	— 100%

За шумом войны и революции мы не замечали, как одновременно с прекращающимся экспортом нашего Севера рос экспорт на Востоке. Я приведу эти цифры. Из Приморской Области чрез Владивосток и другие порты было вывезено:

В 1911 г.	2.559.194 куб. фут.
" 1912 "	1.768.400 " "
" 1913 "	1.455.763 " "
" 1914 "	1.040.642 " "
" 1915 "	585.240 " "
" 1916 "	1.896.587 " "
" 1917 "	1.922.813 " "
" 1918 "	3.243.705 " "
" 1919 "	3.038.300 " "
" 1920 "	504.462 " "
" 1921 "	10.143.577 " "
" 1922 "	15.000.000 " "

В прошлом году Япония вывезла одного елового баланса 20 милл. куб. фут.

Не трудно себе представить, как быстро будет развиваться наша экспортная целлюлозно-бумажная промышленность на нашем Севере, если японцы, а за ними и другие, будут строить у себя фабрику за фабрикою, работая на нашем Дальне-Восточном балансе и экспортируя при дешевом фрахте (благодаря своему большому флоту) готовый продукт в Америку и Европу!

Были попытки экспортировать в Англию и сосновый пиленный материал, но пока не имели успеха.

Англия слишком привыкла к лучшему в мире русскому лесу Беломорских портов и потому сильно браковала Дальне-Восточный лес. Но все это до поры до времени, и мы должны позаботиться, чтобы не допустить ненужную и вредную конкуренцию нашего Востока с нашим севером, а направить эксплуатацию тех и других лесов по планомерному, хорошо согласованному руслу.

Повторяю, характер лесных насаждений севера и востока не может являться решающим моментом в отношении направления капитала к эксплуатации русского леса.

Вторым фактором, несомненно более существенным, является удобство экспорта, т.е. доставки сырья, полуфабрикатов и фабрикатов к морским портам. В этом отношении север и восток одинаково пригодны, т.к. реки севера и востока, направляясь к морю, облегчают транспорт внутри страны, а порты (Архангельск, Владивосток, бухта Индига, Царская бухта, залив Де-Кастри—после некоторых дополнительных работ по его устройству) являются лучшими морскими погрузочными пунктами. Что касается доставки грузов к рекам, то здесь, несомненно, перевес на стороне нашего севера. Как ни странно, хотя мы почти не выступали еще с нашим восточно-сибирским лесом

на мировой рынок, но он уже отошел от него. Остается лес вдали от берегов и железнодорож. пути. В лесозаготовке прошлого года среднее расстояние подвозки равнялось 80 верстам¹⁾, Это обычная история, когда эксплуатация леса начинается в нетронутых до того времени районах. На постройку Сибирской, Забайкальской, Восточной, Амурской и Уссурийской жел. дорог, на постройку портов, на потребности усиленной колонизации, наконец, на потребности Японской войны потребовалось громадное количество лесного материала, а при отсутствии правильного лесного хозяйства, при рубке „на прииск“ был вырублен весь ближайший к жел. дорогам крупный материал, с оставленным в лесу вершин и мелкого леса, сваленного при вывозке крупного. Все делалось добычей сплошных лесных пожаров, ставших обычным нормальным явлением в тех краях, и в результате получилось, что лес далеко отошел от жел. дороги.

Такому же обезлесению вблизи рек Амурского бассейна способствовало то, что значительная часть лесов, отводимых поселенцам—крестьянам и казакам (7.720.000 десятин)—было отведено естественно вдоль рек, где именно они и селились. При появившемся спросе на лес началось бесхозяйственное с хорошо известными последствиями истребление этих лесов, и лес отошел также и от рек, где были эти поселения.

Наконец, так-называемый, „отвод генер. Духовского“ лесов „для временного пользования“ Уссурийских казачьих войск (12 милл. десятин) конечно также способствовал создавшемуся положению²⁾.

В этом отношении для крупного капитала, а только таковой и может нас интересовать, наш север, не истощенный ни железными дорогами, ни значительными поселениями вдоль рек, является действительно нетронутым краем и потому для крупного капитала несомненно имеет преимущество пред востоком.

Третьим фактором, я думаю, решающим при выборе района приложения крупного капитала, является возможность работы как на внешний, так и на внутренний рынок, и возможность быстрых сношений с мировым рынком, как торговым, так и финансовым.

Это не мелкий промышленник, использующий случайную временную конъюнктуру. Основываясь прочно на каком-либо месте, он должен знать что его доход будет гарантирован на очень долгий срок. На мировом рынке всегда возможны заминки в сбыте, депрессии, а потому крайне выгодно иметь постоянный обеспеченный сбыт на внутреннем рынке развивающейся страны; наоборот, бывают

¹⁾ Все новые данные о лесах Дальн. Востока даются мною на основании доклада т. Сахарова, прочитанного в Лесном и Технич. О-ве весной с./г.

²⁾ Получившаяся картина дает нам новый урок (старые—в Европ. России быстро забываются), как существенно необходимо нахождение всех лесов в хорошем общегосударственном управлении и как рискованны те проекты нового лесного кодекса, может быть уже осуществляемые, где вновь поступают в крестьянские руки значительные лесные площади, отчуждаемые в Европ. России из общегосударственного фонда.

годы усиленного спроса, и тогда запасы внутреннего рынка позволяют не потерять момент выгодной конъюнктуры. Работа на эти два рынка позволяет строить предприятие в большем масштабе и делает его более эластичным на случай какой-нибудь депрессии на внешнем рынке¹⁾. В этом отношении внутренний русский рынок представляет громадную ценность для крупного предприятия, хотя бы и рассчитанного на экспорт. Напомним рост собственного производства бумаги перед войною и рост Финляндского импорта, выраженный в тысячах пудов-

Годы.	Собственное производство бумаги.	Ввоз ее из Финляндии.	% ввоза к собственн произ.
1888	4.900	674	13,6%
1893	5.500	1.079	19,6
1900	10.800	2.529	24,5
1908	15.000	4.975	35,0
1910	17.535	6.374	36,2
1911	19.421	7.185	37,0
1912	21.025	7.580	36,1
1913	23.500	8.954	38,0%

Если проанализировать прирост потребления бумаги до 1905 года, и начиная с этого года, то можно констатировать резкую вполне понятную разницу.

Так душевое потребление бумаги в России было:

В 1897 году	— 3½ фунта или 1,4 кгр.
„ 1908	„ — 5½ „ „ 2,2 „
„ 1912	„ — 6¼ „ „ 2,7 „

1) Пример Финляндии является довольно показательным в этом отношении. Являясь монополистом импорта в Россию древесной массы, бумаги и картона, она стремилась не пересыщать русский рынок, удерживая, таким образом, цены и перебрасывая избыток товара на Английский, Германский, Голландский, Бельгийский и Французский рынки.

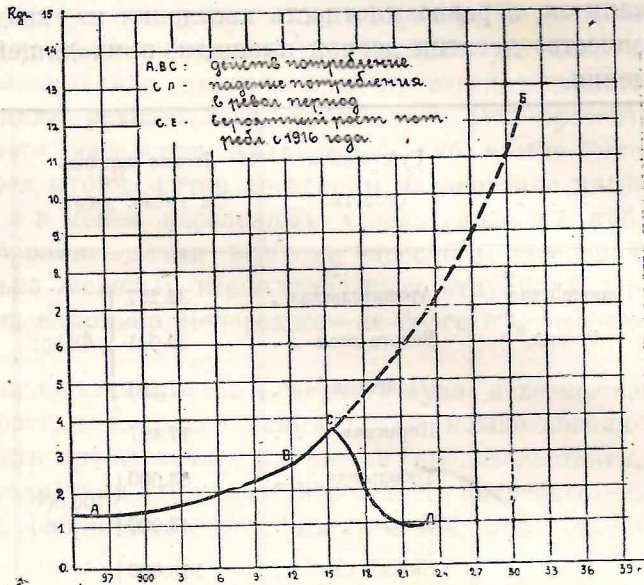
Годы.	Экспорт в тысяч марок.		Экспорт в Россию составляет % от всего экспорта.	Прирост экспорта в Россию в % за год.
	Всего.	В Россию.		
1890	8.382	7.170	85,5%	—
1895	12.623	9.700	76,8%	7,0%
1900	21.321	16.029	75,5	13,0%
1905	33.545	20.657	61,6	5,8%
1910	48.059	30.740	63,9	9,8% 10,2%
1911	57.549	34.597	60,1	12,5
1912	63.036	36.758	58,3	6,2
1913	68.599	43.151	62,9%	17,1%

Несмотря на регулярный рост (5,8—17,1%) экспорта в Россию, притом не поспевавший за ее потреблением, Финляндия все время следила за указанными другими рынками и при всякой подходящей конъюнктуре перебрасывала часть своей продукции туда.

Уже первые проблески свободы, первое раскрепощение в 1905 году означало резкий перелом в потреблении бумаги, этого главного орудия культуры. До 1905 г. кривая потребления бумаги шла почти параллельно оси абсцисс, едва поспевая за приростом населения, но с этого пункта она, как

показывает диаграмма, резко пошла вверх, образуя такую же приблизительно форму, как и кривая потребления других стран. Если революция, как показывает диаграмма, отбросила нас в этом направлении на полвека назад, то всякий знает, что это явление временное, после которого жизнь потребует свое и возьмет его тем быстрее, чем дольше был задержан ее естественный ход, а потребление

бумаги восстановит свое, показанное пунктиром, направление.

Возвращаясь к сравнению нашего севера и востока, первый имеет несомненное преимущество в смысле организации крупных предприятий, т. к. находится в тесной связи с внутренним русским рынком, который слишком отдален от Приамурья и Приморской области, а собственное потребление Восточной Сибири — ничтожно.

Центральные области Сибири одинаково удалены как от внутреннего, так и от внешнего рынков, и потому, вероятно, только в более отдаленном будущем, когда будет установлено Североокеанское сообщение и край разовьет собственное потребление, тогда только можно будет приложить капитал к эксплуатации средне-сибирских лесов, хотя там имеются и громадные залежи каменного угля и водяная сила.

Крупное концессионное экспортное предприятие не может быть вдали от удобных сообщений с мировым рынком. Не только своевременная реализация готового продукта, но и кредитные и страховые операции, которые, несомненно, благодаря более дешевому кредиту будут производиться за границей, требуют возможно быстрых и удобных сношений с нею. Поэтому как Приуралье, так и Центральная Сибирь, с их богатыми лесными запасами и прекрасными условиями для организации перерабатывающих древесину предприятий, но отдаленные от морского транспорта, могут служить для организации фабрик и заводов, обслуживающих только внутренний рынок.

Четвертый фактор, подлежащий учету для применения крупного капитала в лесной промышленности — это густота населения и, в зависимости от нее, наличие рабочей силы.

В приводимой таблице указан размер лесной площади различных губерний и областей, где может найти применение концессионный капитал, а равно плотность населения на квадратную версту и количество десятин лесной площади, приходящейся на 1 душу населения.

	Губернии и области.	Лесная площадь в тысяч. десят.	Десят. на душу насел.	Плотность насел. на квадрат. версту.
Европейская Россия.	Архангельская .	32.237	16,3	0,6
	Вологодская . .	29.041		
	Олонецкая . . .	7.283	63,0	4,1
	Пермская	17.497		
	Тобольская . . .	63.000	30,0	1,7
	Томская	43.000		
	Енисейская . . .	119.000	104,0	0,5
	Иркутская	42.000		
	Забайкальская .	29.000	30,0	1,6
	Якутская	140.000		
Восточная Сибирь.	Амурская	21.000	80,0	0,9
	Приморская . . .	23.000	36,0	1,07
	Камчатская . . .	24.000		
	Сахалинская . . .	11.000	600,0	0,03
	Сахалинская . . .	11.000	324,0	0,30
	В с е г о	601.000	—	—

Таблица показывает нам, какие колоссальные запасы леса мы имеем в центральной и северо-восточной Сибири, но в то же время мы видим, что использованию их в сильнейшей мере препятствует их малонаселенность, например, $\frac{1}{2}$ человека на квадрат. версту в Енисейской губ. или $\frac{1}{10}$ человека — в Якутской области.

Сопоставление Дальнего Востока с нашим севером, опять говорит в пользу последнего. На 1 квадрат. версту в Амурской и Приморской области, где именно и намечены концессионные участки, приходится 1 человек, тогда как на нашем Севере (Арханг., Волог., Олонецкая г.) — приходится 2,1 человека, т.е. в два раза более. ¹⁾ Но и такое насе-

¹⁾ Если выбросим из расчета площадь тундровой полосы, где, конечно, не может быть никаких разработок, то выгода в сторону Севера еще значительно увеличится.

ленне крайне недостаточно для эксплуатации леса, оно, можно сказать, является неодолимым препятствием для полной эксплуатации лесного прироста. Если на одну версту удобной лесной площади в Архангельской губ. приходится 0,24 человека взрослого населения, а в некоторых и притом крайне интересных уездах, как например, Печорском, оно опускается до 0,06 чел., то принимая во внимание, что даже в лучших пиловочных насаждениях максимальная производительность одного местного работника равняется $5\frac{2}{3}$ кубич. саж. (125 бревен), то силами всего местного населения Архангельск. губ. можно было бы заготовить менее трех кубич. футов древесины на десятине удобной лесной площади, а в менее населенных уездах около 0,7 куб. фута, т. е. во всей губернии силами всего ее взрослого населения можно заготовить только менее $\frac{1}{4}$ всего возможного отпуска, а для некоторых районов, как, например, Печорского — не более 8% возможного отпуска.

Поэтому полная эксплуатация леса Северного края невозможна без проведения жел. дорог, т. к. только таким путем можно колонизировать край и снабдить прибывающее население продовольствием, фуражем и другими предметами для удовлетворения его потребностей, не считая необходимого фабричного оборудования и текущих потребностей производства.

Дальний Восток, как мы видели, находится еще в худшем положении. Надежды на желтый труд были бы неосновательны, т. к. дальневосточный опыт показал, что если он и пригоден для сплава, то на лесных разработках он в $1\frac{1}{2}$ и даже 2 раза менее продуктивен, чем белый труд.

Итак, в четырех указанных пунктах мы, насколько возможно бегло, рассмотрели те главные факторы материального характера, которые должны прежде всего остановить на себе внимание концессионера при выборе места применения своего капитала на обширной территории русских лесов, таковы: характер и качество насаждений, удобство доставки к морским портам, возможность быстрых сношений с мировым торговым и финансовым рынком, возможность и желательность работы помимо внешнего и на внутренний русский рынок, влияние густоты населения лесных районов и, наконец, необходимость для крупной эксплуатации проведения жел.-дорожных путей.

Я неоднократно упоминал, и это не случайно, о крупном капитале. Конечно, и средний и даже мелкий капитал желательны для эксплуатации нашего леса, не находящего сейчас сбыта и бесполезно гниющего на корне. И если бы этот лес представлял отдельные массивы, укрепленные на территории республики, то эта классификация капитала, это подчеркивание выражения — крупный капитал не имело бы места.

Но мы не должны забывать, что эти тянущиеся сплошную шестысячеверстной полосой леса составляют 600 миллионов десятин, являясь, таким образом, как бы целым громадным государством в

12 миллионов квадратн. верст общей земельной площади и с среднею лесистостью—в 46,6%. Эта территория превышает территорию всех остальных Европейских государств и Соединенных Штатов. вместе взятых, обладает помимо леса богатыми земными недрами, представляет, за исключением путей сообщения, прекрасные условия для колонизации¹⁾, а потому отнюдь не может быть рассматриваема только как площадь лесных запасов для русской и мировой промышленности. Если припомним, что у нас имеется 17 губерний, из которых, в поисках применения своему труду, население принуждено было выселяться от 3.000 до 10.000 человек ежегодно, что целые армии рабочих отправлялись каждый год в южное Поволжье, на Кавказ и некоторые даже в Восточную Пруссию, то становится ясным, что приобщение этой территории к хозяйственной жизни страны, ее теснейшее соединение с нею, является одною из первых государственных задач, несравненно более серьезною, чем одна эксплуатация леса в тех или иных ее районах. Эту задачу мы никогда не должны упускать из вида, а между тем у меня все более крепнет убеждение, что, как говорят — за деревьями не видно леса, так за теми отдельными случайными сдаваемыми нами концессиями скрывается и все более тускнеет та главная основная наша государственная задача. Республика не должна становиться на точку зрения мелкого лавочника, стремящегося продать во что бы то ни стало застоявшийся у него участок леса, но, если уже продолжать аналогию,—то крупным коммерсантом, ведущим систематическую политику к увеличению всего своего хозяйственного оборота и планомерного использования всех находящихся в его владении ресурсов.

Перспективы для применения крупного капитала в русских лесных концессиях.

Для какого-нибудь небольшого или среднего предприятия не может явиться вопроса о сбыте продуктов его производства. Оно представляет слишком небольшую величину в обороте местного или заграничного рынка. Другое дело, когда желает найти себе применение крупный капитал, рассчитанный на организацию нескольких крупных предприятий и, следовательно, связанный с громадною лесозаготовкою, с использованием крупных водяных сил, с улучшением водного транспорта сырья, проведением подъездных путей, или, если он рассчитывает использовать большой нетронутый район, то, может быть, и с проведением железнодорожной магистрали.

Здесь вопрос становится уже более серьезным. Необходимо быть уверенным в достаточной емкости как мирового, так и внутреннего

¹⁾ Еще перед войною Германское правительство хлопотало о концессиях на участок океанского берега Архангельской губ. для луговой культуры с целью снабжения фуражом своей армии. Это на далеком Севере. В середине северного района имеются прекрасные угодья, позволяющие иметь скот, по молочности не имеющий себе равного в Европе, и урожай, позволяющие обходиться вполне своим хлебом.

рынков, необходимо уяснить себе картину роста этой емкости во времени, чтоб составить себе правильный план организации предприятия как начальной, так и процесса ее дальнейшего развития.

II, конечно, необходимо выяснить все гарантии прочности предприятия в дальнейшем будущем.

В мою задачу не входит выяснять здесь детальные условия для возникновения и развития таковых предприятий, я хочу только в немногих словах охарактеризовать ту потребность в бумажном товаре, каковую должны удовлетворить такие предприятия. Приведу лишь немногие цифры.

I.—Внешний рынок.

а) В довоенное время экспортировалось—437.000 стандартов пиленого материала (72 милл. кубич. футов). В ближайшее десятилетие можно рассчитывать развить экспорт до 800.000 стандартов (132 милл. куб. футов). Максимальное производство пиленого материала, тяготеющего к портам Белого моря и Северного океана, определяется от 1.300.000 до 2.000.000 стандартов в год, т.-е. в следующее десятилетие можно еще увеличить экспорт на 500.000 стандартов.

б) Средний годичный прирост потребления бумаги в Европе равнялся в период 1900—1905 гг.—18 милл. пудов; следовательно, мы в праве принять его для оправившейся от военных и социальных потрясений Европы при непрерывно растущем ее населении и одновременно растущих потребностях этого населения—до 20 миллионов пудов (322.500 тонн).

Для производства этой бумаги, считая среднюю композицию экспортного товара в 40% целлюлозы и 60% древесной массы, требуется в год около 200.000 кубич. саж. балансов и также, считая производство на дровяном топливе—около 520.000 куб. сажен дров, а всего—720.000 кубич. саж. древесины. Таким образом, один прирост ежегодного потребления бумажного товара в Европе требует в три раза больше балансов, чем то количество их, которое мы ежегодно вывозили за границу.

II.—Внутренний рынок.

а) Перед войною на внутренний рынок с 3½ миллион. десятин леса Северного края поступало около 450.000 кубич. саж. Ввиду непрерывного истощения лесов средней России это количество отпуска должно непрерывно увеличиваться.

б) Одна замена Финляндского экспорта в Россию бумажных товаров, составлявшего пред войною 40% всего нашего потребления, требует около 100 тыс. кубич. саж. баланса, и если только половина всего производства будет базироваться на дровяном топливе, то потребуется еще около 100.000 куб. саж. дров, а всего—200.000 куб. саж. древесины. Это то, что нужно осуществлять немедленно.

Для дальнейшего же потребления бумаги и картона в стране с населением в 175.000.000 человек при скромном потреблении в 16 кгр. на человека потребуются около 165 милл. пуд. бумажных товаров.

Принимая во внимание указанную выше кривую роста потребления с 1905 года и учитывая переживания последних лет, неизбежное, вызываемое каждой революцией пробуждение сознания и пытливости, можно полагать, что указанное скромное потребление будет достигнуто приблизительно в 1940—1945 году.

Производство этого количества бумаги потребует 1.800.000 куб. саж. ($17\frac{1}{2}$ миллион. кубич. метр.) балансов и по предыдущему, считая работу на дровяном топливе, еще около 4.680.000 кубич. саж. ($45\frac{1}{2}$ милл. куб. метров) дров, а всего около $6\frac{1}{2}$ милл. кубич. саж. (63 милл. куб. метр) древесины.

Вот те грубые цифры, которые показывают возможное предстоящее потребление древесины Северного края в ближайшее время. Подведем итоги.

Пилоного материала на экспорт . . .	1.300.000—2.000.000	стандартов.
Круглого леса на внутренн. рынок . . .	450.000	куб. саж.
На замену Финляндск. экспорта . . .	200.000	” ”
Для покрытия годичного прироста потребления бумаги в Европе	720.000	” ”
Для покрытия предположенной потребности бумаги в России	6.500.000	” ”

В с е г о о к о л о 9.000.000. куб. саж.,

т.-е. требуется количество в два раза превышающее максимальный возможный отпуск древесины Северного края, для покрытия которого придется обратиться к использованию рассмотренных ранее Сибирских и Дальне-восточных лесов Республики.

Таким образом мы видим, что крупный капитал действительно обеспечен в сбыте своей продукции и, с другой стороны—что только крупному капиталу посильны задачи по использованию северной древесины и те затраты, которые необходимо выполнить для добычи древесины с этой колоссальной территории (проведение ж.-дор. путей, механизация добычи и транспорта древесины, колонизация и проч.).

Но с другой стороны, учитывая указанную мировую потребность, необходимо сделать дальнейший вывод, что такой капитал неизбежно становится до некоторой степени монополистом на мировом рынке, что еще более обеспечивает произведенные им затраты.

Форма эксплуатации леса.

К сожалению, в заграничной литературе иногда встречаются указания на возможность питания России бумагой заграничного производства¹⁾. Эта мысль ошибочна в корне, и ее надо оставить раз навсегда.

¹⁾ The Paper Mill. March 3. 1923.

Если возрастал непрерывно Финляндский импорт бумаги в до-революционный период благодаря абсолютизму и связанному с ним бесхозяйственному управлению страной, если в революционный период разрушился производственный аппарат страны и сильно упала и без того слабая производительность рабочего, то это еще не значит, что страна при своих лесных ресурсах вместо экспортирующей должна остаться импортирующей страной. Уже потому, что это было бы убыточным для *мирового* народного хозяйства, а не одной только России, статистика довоенного времени показала, что без русского леса и русского баланса мир обойтись не может. В предыдущем я показал цифровую картину положения в ближайшем будущем.

Даже экспортировавшие бумагу страны: Швеция, Норвегия, Финляндия, Германия импортировали русский баланс. Этот вывоз русского баланса должен быть прекращен. Это было уже намечено во время войны упомянутым вначале Особым Совещением. Если в настоящее время, благодаря неустановившейся в нормальном русле беспорядочно бьющейся и бурлящей экономической жизни страны, такая ошибка опять допущена, то во всяком случае она должна быть скоро исправлена. Мною было уже указано ¹⁾, что стоимость балансов, при переработке их на фабриках Северного края, обойдется на 30—40% дешевле, чем стоимость их в портах Белого моря, а по сравнению с производством в западной Европе их стоимость обойдется в 2½—3 раза дешевле.

Топливом для производства на фабриках Северного края, конечно, также будет еще долгое время служить древесина ²⁾, заготавливаемая одновременно с пиловочником и балансом.

Всем известно, какая мировая борьба идет сейчас за топливо—нефть и каменный уголь, что указывает на недостаток его для народного хозяйства стран с сильно развитою промышленностью.

При указанных условиях ясно, что производство бумаги, стоимость которой на половину состоит из стоимости древесины и топлива, должно производиться там, где эти материалы дешевы. Выработка бумаги в Северном крае даст Европейскому потребителю ее более дешевый товар, чем если бы он фабриковался в его собственной стране, но из привозного сырья и на недостаточном для страны топливе.

Таким образом, организация производства бумажных фабрикатов является, как сказано, выгодным не для России только, но и для всех стран, не имеющих достаточного количества своей древесины. Сдача лесных концессий поэтому, согласно пунктов 1-го и 16-го Нормального договора, производится только при условии переработки древесины в пределах концессионного участка и продажи таковой в форме готовых фабрикатов.

1) „Лесное хозяйство“ Москва 1922 г. изд. Северолеса. „Промышленное использование нетоварных насаждений“, стр. 155—158.

2) Стоимость 1 Kw—часа обходилась на Окуловской фабрике при дорогой сравнительно доставке дров и отсутствии механизации при их добыче—в 1 коп. При правильно поставленном древозаготовительном аппарате и паровом хозяйстве на фабриках Северного края энергия должна обходиться еще дешевле этой величины.

Современная практика лесных концессий.

На приложенной карте Северного края видны два ряда концессионных участков. Одни из них покрыты одинарной штриховкой и означенные римскими цифрами, показывают концессионные районы, намеченные в 1921 году; участки, покрытые двойной штриховкой и означенные арабскими цифрами, показывают хозяйственные части, предположенные к отводу Лесным Д-том в 1916 г.

Рассматривая вновь отведенные участки, мы видим, что в большинстве случаев они охватывают те же самые районы, какие были намечены и в 1916 г., но только новые участки более крупны по объему и потому их меньшее число. Прежних участков было 33, а теперь их только 15. Размер этих участков колеблется приблизительно от $\frac{1}{2}$ миллиона до $2\frac{1}{2}$ миллионов десятин, при чем менее 1 миллиона десятин намечены только 2 участка.

На Дальнем Востоке концессии намечены в Приморской губернии (15 концесс. участков), в Приамурской губ. (16 концесс. участков) и в Амурской губ. (2 концессии). В Приморской губ. участки мельче, чем на нашем севере,—от 80.000 до 680.000 десятин; в Приамурской несколько крупнее Приморских—от 190.000 до 1.200.000 десятин, при чем менее $\frac{1}{2}$ миллиона только 4 участка.

Концессии Приморской губ. расположены вдоль Татарского пролива, в Приамурской—по р. Амуру и притокам Уссури. Названия этих концессий звучат большей частью экзотически: Мули, Хуту, Коппи, Ботчи, Та-Кхема и т. д., но как указано ранее по своим насаждениям они являются не экзотическими, но вполне конкурентными нашим северным концессиям.

Общая площадь концессий в Приморской губ. 4.400.000 десят. с ежегодным отпуском в 264.000 такс. сажений, в Приамурской—10.480.000 десят. с отпуском в 195.000 сажений и остальные три участка с общей площадью в 2.290.000 десят. с отпуском 42.700 такс. саж. А всего 17 миллионов десят. с предположенным отпуском $\frac{1}{2}$ миллиона таксационн. сажений. Но из этой площади Дальне-восточное Управление повидимому хлопочет об оставлении 15 участков в $10\frac{1}{2}$ миллионов лесной площади и с отпуском в 250.000 саж. для эксплуатации распоряжением правительства.

Но если мы сравним расположение концессионных участков на общей площади севера и востока, то увидим, что оно чрезвычайно различно. В то время как в Приморской и Приамурской губ. эти участки находятся приблизительно в одинаковых условиях эксплуатации, на нашем севере дело обстоит совершенно иначе. Одни концессионные участки, как №№ I, II, III, V непосредственно примыкают к Белому морю, другие, как, №№ IV, XIV, XV прилегают к жел. дороге или прорезываются Двиною, Вагою и притоками Онеги или Пинеги, обладают прекрасным сплавом к портам Белого моря, а, например, концессии громадного Печорского края, с худшими насаж-

денями, удаленные от хороших сообщений, с ничтожным местным населением, находятся в совершенно ином положении, чем более западные районы.

Куда же должны устремиться концессионеры? Кто при прочих равных условиях захочет забираться в эти заброшенные отдаленные дебри? И потому зарождается невольное опасение, что восточная половина Северного края останется не втянутой в хозяйственную жизнь страны. Мало того, для эксплуатации она станет в худшее положение, чем была ранее. Без проведения жел. дор. магистрали серьезная, возможно полная эксплуатация этого восточного края немыслима. Но кто же пожелает вести эту магистраль, когда лучшие участки на этой магистрали будут уже принадлежать другим концессионерам, кто захочет проведением магистрали содействовать увеличению доходности других концессионеров, находящихся и без того в лучших условиях в смысле эксплуатации и реализации своего производства на международном рынке? Древесина этого края осуждена будет на гниение по крайней мере еще на пол-века.

И нас, бумажников, болеющих за будущее русской бумажной промышленности, это особенно должно беспокоить. Этот восточный район, сравнительно бедный пиловочником, но богатый балансом, как бы самую судьбою предназначен для развития бумажной промышленности. Еще раз напомним, что Лесной Д-т хорошо сознавал необходимость этой связи рационального лесоиспользования с проведением жел.-дор. путей. На приложенной карте указаны и предположенные магистрали, собирающие и направляющие древесину, необходимые для ее переработки материалы и продукты ее переработки к пунктам их потребления. При этом весь край мог быть оживлен и его ресурсы использованы. Северолес, которому поручено промышленное развитие края, приняв концессионное наследство Лесного Д-та, совершенно забыл о той целостной концепции своего наследодателя. Он плывет по течению, как медленно плывут по течению его плоты, лишь по излюбленному направлению к Белому морю. Широкая задача, намеченная его предшественником, как будто ему не по плечу.

Нет никакого сомнения, что концессионные договоры не могут быть одинаковыми для всех концессий независимо от их территориального и экономического положения. Кемские или Котласские концессии—эти жемчужины всего Северного края не могут быть равноценными с концессиями, затерявшимися в дебрях Печерского края.

Нигде не видна указанная ранее государственная точка зрения общего оживления края и использования всех его материальных ресурсов, а не одного только леса.

Для отдаленных концессий возможны казалось бы совсем иные договорные условия. Можно совсем поступиться на время каким бы то ни было получением лесного дохода, лишь бы втянуть мертвый край в общий государственно-экономический оборот.

На основании всего вышесказанного я позволю себе сделать следующие главные выводы:

1. Русские леса являются единственным запасом для удовлетворения непрерывно растущего потребления древесины в культурных странах.

2. Эксплоатация русских лесов является поэтому не только русской, но и мировой задачей.

3. Из всех лесов, подлежащих эксплуатации концессионным порядком, в первую очередь должны привлечь внимание крупного капитала леса Северного края Европейской России.

4. Экспорту подлежит древесина только в обработанном виде. Экспорт балансового леса для древесно-массного и целлюлозного производства должен быть прекращен. Необходимо принять ряд мер к устранению возможного обхода этого запрещения путем вывоза древесины для бумаги под наименованием пробсов, шахтного леса и т. п.

5. Необходимо согласование концессионного порядка, как на Севере России, так и на Дальнем Востоке.

6. Лесные концессии должны преследовать не только цель эксплуатации леса, но и вовлечение всей лесной территории в общехозяйственную жизнь страны с целью использования всех материальных ресурсов этой территории.

7. Эта цель достижима только привлечением очень крупного капитала, на привлечение коего и должно быть обращено внимание органов, ведающих делом лесных концессий.

8. Организация лесных концессий заключается не в привлечении случайных концессионеров, делающих свободный выбор из предлагаемых им участков, а в разработке хозяйственного плана эксплуатации всей лесной территории и подыскании капитала, достаточного для планомерного выполнения выработанного задания в течение определенного ряда лет. Необходимо пойти на многие жертвы в этом направлении, в уверенности, что эти жертвы будут вознаграждены при вовлечении края в хозяйственный оборот страны.

9. Настоящая практика концессионного дела на Севере далека от этой планомерной работы. Можно опасаться, что при дальнейшем развитии в том же направлении она поставит неодолимые препятствия оживлению края.

10. Ввиду того, что вопрос лесных концессий тесно связан с развитием бумажного дела в России, что по крайней мере половина всех наших лесных запасов является исходным материалом для производства бумаги, необходимо ходатайствовать, чтобы Научно-Технический Совет бумажной промышленности был привлечен к обсуждению всех вопросов, связанных как с использованием наших лесов, так и с передачей их в концессионное пользование.

Л. Жеребов.